

Современные русскіе писатели.

Избранные

разказы

А. С. СЕРАФИМОВИЧА * * *

С. И. ГУСЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО

С. А. НАЙДЕНОВА * * * * *

А. Серафимовичъ.

ЗАЯЦЪ.

Разказъ.

З а я ц ь .

Разсказъ

І

Аптипъ Каклюгинъ, служившій у подрядчика Пудова по вывозу печистотъ, получилъ изъ деревни письмо.

Послѣ безчисленныхъ поклоновъ братцевъ, сестрицъ, племянниковъ, дядей, кумовьевъ, сосѣдей, въ концѣ стояло:

«И еще кланяется съ любовью и низкій поклонъ къ землѣ принадлежитъ супруга ваша Василиса Ивановна, и съ самаго Петрова дня лежитъ и соборовалась, чего и вамъ желаетъ и оченно проситъ, чтобъ приѣхали на побывку, какъ ей помереть. въ скорости писалъ Иванъ Кокинъ».

Аптипъ попросилъ три раза прочитать письмо и долго чесалъ поясницу.

— Да... ишь ты, како дѣло, — проговорилъ онъ, тщательно и неумѣло складывая негнувшимися пальцами письмо, и вечеромъ пошелъ къ хозяину.

— Ты чего?

— Къ вашей милости.

— Да и воняешь ты, чортъ тебя ни возьми.. ступай во дворъ.

Антипъ покорно слѣзъ съ крыльца и сталъ возлѣ, держа шапку въ рукахъ.

— Денегъ не дамъ, и не проси... забралъ все, когда еще отработаешь.

— Да я не объ томъ... жена помираетъ. Милость ваша ежели будетъ, повидать бы бабу, хоша бы на недѣлку.

— Ахъ ты, сукинъ предметъ!.. да ты что же, смѣешься... самая возка начинается...

— Главное, помираетъ... плачется баба...

— Что-жъ, она безъ тебя не сумѣетъ помереть, что ли? да можетъ и враки, такъ занедужилась, подыметъ, Богъ дастъ.

— Соборовали... сдѣлай милость.

Хозяинъ посмотрѣлъ на вызвѣздѣвшее небо, подумалъ:

— Ну, вотъ что. Завтра у насъ какой день? вторникъ? хорошо. Стало быть, завтра выѣдешь; къ обѣду дома, на дру-

гой день опять сядешь, къ вечеру тутъ. Стало быть, въ среду чтобъ былъ къ работѣ: не будешь, — другого поставлю... У меня контрактъ, ждать не стануть; изъ-за васъ, анаѰемовъ, неустойку плати.

— Покорно благодаримъ.

II.

Раннимъ утромъ, когда надъ рѣкой стоялъ бѣлый паръ, и холодная вода влажно лизала столбы, Антипъ сидѣлъ на пристани.

У берега тѣснились баржи, расшивы, лодки, по водѣ оставляя слѣдъ, бѣгали катера, пыхтели пароходы. Грузчики, согнувшись и торопливо и напряженно переставляя ноги, таскали одни съ берега, другіе на берегъ тюки, кипы, боченки, ящики, полосы желѣза. Надъ рѣкой и берегомъ стоялъ говоръ, стукъ и по гладкой, чуть шевелящейся водѣ въ раннемъ, еще не успѣвшемъ разогрѣться, утрѣ добѣгалъ до другого, плоско желтѣвшаго, песчанаго, берега.

Антипъ мокалъ въ жестяную кружку съ водицей сухари и хрустѣлъ на зубахъ. Латанный, рваный, съ вылѣзавшей въ дыры

грязной шерстью полушубокъ держался на немъ коробомъ, какъ накрахмаленный, и было въ немъ что-то наивное.

— Фу-у, чортъ, да что такое?..— проговорилъ матросъ, останавливаясь во второй разъ, вѣдь это отъ тебе... Ступай ты отсюда, тутъ господа ходять..

— Ну, што-жь...

Антипъ поднялся и, держа грязную сумку и кружку, перешелъ и сѣлъ на краю пристани, свѣсивъ ноги надъ весело и невинно колебавшейся внизу водой.

Пароходъ, шедшій снизу и казавшійся маленькимъ и пузатымъ, закричалъ толстымъ голосомъ, и торопливо бѣгущая надъ нимъ бѣлая полоска пара колебалась и таяла въ свѣжемъ воздухѣ. Съ песчаного берега добѣжалъ точно такой же пароходный голосъ, и странно было, что берегъ былъ пустъ и никого тамъ не было.

Пароходъ, дѣлая все пузатѣе и гоня стекловидный валъ, работалъ колесами, и приближающійся шумъ разносился по всей рѣкѣ. Колеса перестали работать, и пароходъ, молча, тяжелый и громадный, надвигался по спокойной, чуть колеблющейся, отражающей его водѣ. Навалился

къ пристани, притянули канатами, положили сходни, вышли пассажиры.

Потомъ стали таскать багажъ, товаръ, а черная труба оглушительно, съ тяжелою дрожью стала шипѣть, напоминая, что въ утробѣ парохода, не находя себѣ дѣла, бунтуеть клокочущій, сдавленный паръ.

Когда выгрузили, стали таскать тюки, ящики съ берега на палубу, Антипъ незамѣтно съ крючниками пробрался на пароходъ, высмотрѣлъ мѣстечко и залегъ между кипами сложенной шерсти. Было душно, голова взмокла отъ пота и ничего не было видно. Слышно только, какъ топали тяжелыми сапогами по палубѣ, какъ упали сбрасываемые въ трюмъ тюки, какъ съ гудѣниемъ шипѣла труба, и отъ этого гудѣнья по всему, что было на пароходѣ, бѣжало легкое дрожаніе.

Антипъ лежалъ и думалъ, что забылъ попросить не запрягать кривого мерина, — хромать сталъ; припоминалъ, куда положилъ старую уздечку, и думалъ о томъ, что баба непременно дождется и не умретъ до него. И когда онъ думалъ о бабѣ, становилось особенно тѣсно и душно лежать, и онъ ворочался, и все боялся, что его откроютъ.

Покрывая топотъ ногъ, говоръ, нестерпимо оглушительное шипѣние трубы, звучалъ наверху чей-то гудящій голосъ. Онъ долго, настойчиво тянулъ, густой, грубый, упрямый, призывая кого-то, кто былъ далеко и не слышалъ или не хотѣлъ слышать, потомъ отрывисто и коротко оборвался, какъ-будто сказалъ: ладно, погожу.

Опять топали ноги, слышались отдѣльные голоса, дрожа шипѣла труба, и было тѣсно и душно. Время между тюками тянулось медленно и трудно. Казалось, ему и конца не будетъ, но пароходный гудокъ снова потянулъ настойчиво и упрямо и два раза отозвался: дескать, погожу еще.

«Упрѣлъ», — думалъ Антипъ, и ему пришло въ голову, какъ бабы въ печи ставятъ кашу въ горшкѣ вверху дномъ, чтобы лучше упрѣвала.

Долго лежалъ.

Наконецъ, въ третій разъ потянулся грубый и упрямый голосъ, и трижды отрывисто оборвалъ, дескать ждалъ, а теперь не прогнѣвайся. Разомъ смолкло надоѣдливое шипѣние, и въ наступившей тишинѣ чудилось ожидание. Сильное, мѣрное содрогание побѣждало по пароходу и уже не прекращалось. И хотя было по-прежнему